
Сестра Керри

Роман

Глава I

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА МАГНИТА. ВО ВЛАСТИ СТИХИЙ

Когда Каролина Мибер садилась в поезд, уходящий днем в Чикаго, все ее имущество заключалось в маленьком сундучке, дешевеньком чемодане из поддельной крокодиловой кожи, коробочке с завтраком и желтом кожаном кошельке, где лежали железнодорожный билет, клочок бумаги с адресом сестры, жившей на Ван-Бьюрен-стрит, и четыре доллара.

Это было в 1889 году. Каролине только что исполнилось восемнадцать лет. Девушка она была смышленная, но застенчивая, преисполненная иллюзий, свойственных неведению и молодости. Если, расставаясь с родными, она о чем-нибудь жалела, то уж, во всяком случае, не о преимуществах той жизни, от которой она теперь откачивалась.

Слезы брызнули у нее из глаз, когда мать в последний раз поцеловала ее, в горле защекоотало, когда поезд прогреготал мимо мельницы, где поденно работал отец, глубокий вздох вырвался из груди, когда промелькнули знакомые зеленые окрестности города и навек были порваны узы, которые не слишком крепко привязывали ее к родному дому.

Конечно, она могла сойти на ближайшей станции и вернуться домой. Впереди лежал большой город, который связан со всей страной ежедневно прибывающими туда поездами. И не так уж далеко находится городок Колумбия-Сити, чтобы нельзя было поехать в родные края даже из Чикаго. Что значит несколько сот миль или несколько часов?

Каролина взглянула на бумажку с адресом сестры и невольно задумалась. Она долго следила глазами за зеленым ландшафтом, быстро мелькавшим перед нею; потом первые дорожные впечатления отошли на задний план и их место заняли мысли, обгонявшие поезд, и смутные догадки о том, что представляет собою Чикаго.

Когда девушка восемнадцати лет покидает родительский кров, то она либо попадает в хорошие руки и тогда становится лучше, либо быстро воспринимает столичные взгляды на вопросы морали и становится хуже. Середины здесь быть не может.

Большой город с помощью своих коварных ухищрений обольщает не хуже опытного соблазнителя, микроскопически малого по сравнению с ним, но куда более гуманного. В городе действуют могучие силы, которые обладают такими способами проникнуть в душу своей жертвы, какие доступны лишь человеку утонченной культуры. Мерцание тысячи огней действует не менее сильно, чем выразительный блеск влюбленных глаз. Моральному распаду бесхитростной, наивной души главным образом способствуют сверхчеловеческие силы. Море оглушающих звуков, бурное кипение жизни, гигантское скопление человеческих улыбок — все это действует на ошеломленное чувство весьма сомнительным образом. Какими только лживыми уверениями не пленяют эти силы неискушенное ухо, если нет рядом советчика, который вовремя шепнул бы «берегись!». Их истинная суть пока что не раскрыта, а прелесть их, подобно музыке, вначале притупляет напряженность, потом расслабляет дух и наконец возвращает элементарные человеческие понятия.

Каролина, или сестра Керри, как ее с оттенком ласковости называли в семье, обладала умом, в котором способность к наблюдениям и анализу находилась еще в самом зачатке. Она была поглощена собой, и этот эгоизм, хотя и не слишком выраженный, был тем не менее основной чертой ее характера. Она была воодушевлена пылкими мечтами юности, мила пресноватой миловидностью переходного возраста, сложение ее обещало в будущем приятную округлость форм, а глаза светились природной сметливостью — словом, она была прекрасным образцом американки среднего класса, которую лишь два поколения отделяло от прадедов — эмигрантов из Европы.

Чтение ничуть не увлекало Керри — мир знаний был для нее за семью замками. Она пока совсем еще не знала, что такое интуитивное кокетство. Она не умела игриво откидывать назад головку, часто не знала, куда девать руки, и хоть ножки у нее были маленькие, но ступала она тяжело. Однако ей хотелось пленять, она быстро усваивала, в чем заключаются радости жизни, и стремилась к материальным благам.

Сестра Керри была плохо вооруженным маленьким рыцарем, который отважно ринулся на огромный загадочный город, чтобы попытаться счастья, лелея безумную мечту о неясной, далекой победе, когда этот город — добыча и раб завоевателя — будет лежать распростертый под женской туфелькой.

— Это, — проговорил над ее ухом чей-то голос, — один из красивейших маленьких курортов штата Висконсин.

— Вот как? — чуть нервно отозвалась Керри.

Поезд уже миновал станцию Вокиша. Керри еще раньше заметила, что позади сидит какой-то мужчина, и чувствовала, что он смот-

рит на ее пышные волосы. Он не мог спокойно сидеть на месте, и Керри инстинктивно догадывалась, что она вызывает в нем интерес. Девичья скромность и чувство приличия подсказывали ей, что нельзя допускать с его стороны ни малейшей фамильярности и следует держать его на расстоянии, но смелость и притягательная сила ее соседа, выработанные богатым опытом и прошлыми успехами, взяли верх, и Керри откликнулась.

Слегка наклонившись вперед, он положил локти на спинку ее сиденья и заговорил, желая показать себя приятным спутником:

— Да, прекрасный уголок, отличные отели. Здесь отдыхают чикагцы. Вы, по-видимому, не знакомы с этими местами?

— Нет, знакома, — ответила Керри. — Вернее, я живу в Колумбия-сити, а здесь мне еще не приходилось бывать.

— Итак, это ваша первая поездка в Чикаго, — заметил он.

Во время этого разговора Керри видела своего собеседника лишь краешком глаза. Яркие, румяные щеки, светлые усы, на голове серая фетровая шляпа. Теперь она повернулась и посмотрела ему прямо в лицо; кокетливость боролась в ней сейчас с инстинктом самозащиты.

— Я не говорила вам, что это моя первая поездка, — сказала Керри.

— О! — приятно улыбнулся он, как бы изумляясь своей ошибке. — Очевидно, я ослышался.

Это был типичный коммивояжер крупного торгового дома, принадлежавший к категории людей, которых на жаргоне того времени называли «барабанщиками». К нему вполне подходило также и более позднее название, широко распространившееся в Америке восьмидесятых годов и определявшее людей, одежда и манеры которых рассчитаны на то, чтобы вызывать восхищение впечатлительных молодых женщин. Таких называли «мастак».

Его коричневый шерстяной костюм в клетку был в то время еще новинкой — потом он стал обычным костюмом делового человека. В глубоком вырезе жилета видна была накрахмаленная грудь сорочки в белую и розовую полоску. Из рукавов пиджака выглядывали полотняные манжеты в такую же полоску, застегнутые крупными позолоченными запонками с обыкновенными желтыми агатами, известными под названием «кошачий глаз». На пальцах блестело несколько колец (среди них, конечно, неизменный перстень с печаткой), из карманчика жилета свисала золотая цепочка от часов, на которой болтался жетон тайного ордена Лосей. Костюм сидел почти в обтяжку. Наряд дополняли ярко начищенные коричневые ботинки на толстой подошве и мягкая серая шляпа.

Человеку, стоящему на уровне развития Керри, незнакомец мог показаться интересным, и ей достаточно было одного беглого взгляда, чтобы заметить все, что говорило в его пользу.

На случай если люди подобного типа переведутся на земле, я позволю себе обрисовать здесь те приемы и уловки, к которым они прибегали не без успеха. Хорошее платье являлось, разумеется, главным козырем коммивояжера, без него он ничто. Затем он должен был обладать физически крепкой натурой, главная движущая сила которой — острое влечение к женщине. И разумом, которому чужды какие-либо размышления о проблемах и силах, управляющих миром; поступками же его руководила не алчность, а ненасытная любовь к разнообразным удовольствиям.

Его приемы обычно были очень просты. Прежде всего — смелость, основанная, конечно, на сильном чувственном желании и восхищении прекрасным полом.

При встрече с молодой женщиной он начинал ухаживать за нею с добродушной фамильярностью, не лишенной, однако, оттенка мольбы, и в большинстве случаев его ухаживания принимались снисходительно.

Если женщина обнаруживала склонность к кокетству, он позволял себе поправить на ней бантик, а заметив, что «клюнуло», тотчас начинал называть ее просто по имени.

Зайдя, к примеру, в универсальный магазин, коммивояжер непринужденно облакачивался на прилавок и задавал продавщице несколько наводящих вопросов. В более изысканных кругах, а также в поезде или в зале ожидания он вел себя осторожнее. Но как только на его горизонте появлялся податливый, по его мнению, объект, он становился воплощенным вниманием и любезностью, заводил речь о погоде, галантно открывал дверь вагона, помогал нести чемодан, если же это не удавалось, старался сесть рядом, надеясь до прибытия поезда к месту назначения найти возможность поухаживать. Положить под голову подушечку, предложить книгу, скамеечку под ноги, опустить штору — он успевал подумать обо всем. И, доехав до места, он лишь в том случае не сходил вслед за спутницей, чтобы принять на себя заботу о ее багаже, если считал дело безнадежным.

Кому-нибудь из женщин следовало бы написать философский трактат об одежде. Как бы женщина ни была молода, она знает толк в платье. Оценивая мужской костюм, женщина проводит при этом некую едва заметную грань, которая позволяет ей делить мужчин на стоящих и не стоящих ее внимания. Индивидуум, опустившийся ниже этой грани, уже никогда не удостоится ее взгляда.

Есть и другая грань, которая заставляет женщину сравнивать одежду мужчины со своей. И к такому сравнению невольно побудил Керри ее сосед. Она внезапно поняла, как они неравны. Ее простое синее платье с отделкой из черной бумажной тесьмы показалось ей жалким. Она вдруг увидела, как поношены ее ботинки.

— Позвольте, — продолжал ее спутник, — ведь я как будто многих знаю в вашем городке! Хотя бы Моргенрота — магазин готового платья, Гибсона — мануфактурный магазин...

— В самом деле? — перебила Керри и сразу взволновалась, вспомнив, сколько томительных минут она пережила, простаивая перед витринами этих магазинов.

А он почувствовал, что нашел наконец ключ к ее вниманию. Через несколько минут он уже подсел к ней и принялся рассказывать о заключенных им сделках по продаже готового платья, о своих странствованиях, о Чикаго и городских развлечениях.

— Вы получите массу удовольствий, раз вы едете в Чикаго. У вас там есть родные?

— Я еду навестить сестру, — ответила Керри.

— Вы непременно должны осмотреть Линкольн-парк и бульвар Мичиган, — сказал он. — Вот где строятся гигантские здания! Это в полном смысле слова второй Нью-Йорк. Изумительный город! Там есть на что посмотреть! Театры, огромные толпы народа, красивые дома. О, вам там очень понравится!

Стараясь представить себе все, что он описывал, Керри вдруг ощутила глухую тоску. Она показалась себе таким ничтожеством по сравнению со всем этим великолепием, и ей стало не по себе. Она прекрасно понимала, что ее ждут не одни удовольствия, однако было что-то обещающее во всем том, о чем ей рассказывал ее спутник. Ей было приятно внимание этого хорошо одетого человека.

Она не могла сдержать улыбки, когда он, заговорив об одной известной актрисе, сказал, что Керри напоминает ее. Девушка отнюдь не была глупа, и все же ей это польстило.

— Вы ведь побудете немного в Чикаго? — спросил он в ходе беседы, теперь уже совсем непринужденной.

— Право, не знаю, — уклончиво сказала Керри: у нее мелькнула мысль, что она может не найти там работы.

— Но уж несколько недель, во всяком случае, поживете? — спросил он, пристально глядя ей в глаза.

То, что между ними происходило, было гораздо значительнее произнесенных слов. Он угадал в этой девушке какую-то неуловимую прелесть, заменяющую ей броскую красоту. Керри поняла, что интересна для него лишь с вполне определенной точки зрения, — это обычно пугает женщину и вместе с тем радует. Она держалась очень просто, хотя бы потому, что еще не успела научиться легкому жеманству, которое помогает женщинам скрывать свои истинные чувства. Кое в чем ее поведение могло показаться смелым. Будь у нее, например, умный и опытный друг, он объяснил бы ей, что не следует так упорно смотреть мужчине в глаза.

— Почему это вас интересует? — спросила она.

— Да просто потому, что я сам пробуду в Чикаго несколько недель. Мне нужно хорошенько ознакомиться с товарами нашей фирмы и запастись новыми образцами. Тем временем я бы показал вам город.

— Я не знаю, сможете ли вы... То есть, вернее, не знаю, смогу ли я. Ведь я буду жить у сестры и...

— Ну что ж, если она будет против, мы как-нибудь это уладим.

Он достал из кармана маленькую записную книжку и карандаш, точно они уже обо всем договорились.

— Какой же ваш адрес?

Керри порылась в кошельке, где хранилась бумажка с адресом сестры.

Ее спутник засунул руку в задний карман брюк и достал толстенный бумажник с пачкой зеленых ассигнаций и уймой различных записочек и квитанций. Бумажник произвел на Керри большое впечатление: такого не было ни у кого из ее знакомых. Да и вообще никогда еще она не встречала столь опытного путешественника и столь светского щеголя. Бумажник, блестящие коричневые ботинки, изящный, с иголки, костюм, уверенность в каждом жесте и каждом слове — все это рисовало ее воображению мир несметных богатств, окружавших этого человека. И потому она готова была отнестись благосклонно ко всему, что бы он ни предложил.

Он вынул из бумажника красивую визитную карточку своей фирмы с литографированной надписью: «Бартлет, Карио и К°»; внизу, в левом уголке, было добавлено: «Чарльз Друэ».

— Вот это я, — сказал он, подавая карточку Керри и указывая на фамилию внизу. — Произносится «Друэ», по отцу я француз.

Пока Друэ прятал бумажник, Керри рассматривала карточку. Затем он достал из внутреннего кармана пиджака пачку писем, взял одно из них и, указывая ей на красовавшийся сбоку рисунок, сказал:

— Это дом, где помещается наша фирма. На углу Стейт- и Лейк-стрит.

Он произнес это с гордостью. Служба в такой фирме что-нибудь да значит, и ему хотелось, чтобы девушка это почувствовала.

— Итак, ваш адрес? — снова спросил он и приготовился записывать.

— Керри Мибер, — медленно сказала она. — Ван-Бьюрен-стрит на Западной стороне, дом триста пятьдесят четыре, квартира Гансона.

Друэ аккуратно записал адрес, снова вынул бумажник и спрятал туда записную книжку.

— Если я загляну к вам в понедельник вечером, я вас застану дома? — спросил он.

— Думаю, что застанете, — ответила Керри.

Как это верно, что слова — лишь бледные тени того множества мыслей и ощущений, что стоит за ними! Слова — это крохотные слышимые звенья, связующие большие неслышимые чувства и стремления.

Здесь, в вагоне, эти двое перекидывались незначительными фразами, доставали кошелек или бумажник, разглядывали визитную карточку, и каждый не сознавал, как невинны его истинные чувства для другого. Ни у него, ни у нее не хватало пронизательности, чтобы угадать, что сейчас на уме у собеседника. Он еще не был уверен, удалось ли ему завлечь девушку. Она не понимала, что поддается ему, пока он не заручился ее адресом. И только тогда она почувствовала, что в чем-то ему уступила, а он убедился, что одержал победу. И уже оба поняли, что как-то связаны. И уже он овладел разговором, направляя его так, как ему хотелось. Он болтал с полной непринужденностью. А она стала держаться гораздо свободнее.

Они приближались к Чикаго. Замелькали сигнальные огни. Мимо пролетали встречные поезда. Из беспредельных просторов ровных и голых прерий к большому городу шагали по полям шеренги телеграфных столбов. Вдали уже вставали очертания предместий, высоко к небу вздымались фабричные трубы.

Часто стали попадаться двухэтажные деревянные строения, одиноко стоящие в открытом поле, не защищенные ни оградой, ни деревьями, словно дозорные надвигающейся армии домов.

Ребенку, человеку, одаренному воображением, и тому, кто никогда не путешествовал, момент приближения к большому городу всегда сулит чудеса. Особенно если это происходит вечером, в тот таинственный час борьбы света с мраком, когда весь живой мир переходит из одного состояния в другое. О, эти обещания надвигающейся ночи. Как много говорит ночь усталому человеку! Сколько былых иллюзий и надежд возрождает она! Душа утомленного труженика говорит: «Скоро я буду свободна! Я примкну к сонмам веселящихся и буду веселиться вместе с ними. Улицы, фонари, ярко освещенные комнаты, где накрыты обеденные столы, — все это для меня! Театры, залы, собрания, пути, что ведут к отдыху, и тропинки, что ведут к веселым песням, — все это с наступлением ночи мое!» Хотя весь род людской еще работает в конторах и на заводах, трепет предвкушения уже наполняет воздух. Самые апатичные люди и те испытывают чувство, которое не всегда можно описать или выразить словами, — точно с плеч вдруг свалилось тяжелое бремя.

Сестра Керри глядела в окно. Любопытство девушки, словно прилипчивая болезнь, передалось ее спутнику, и он сам по-новому стал смотреть на большой город, рассказывая ей о его чудесах.

— Это северо-западная часть Чикаго, — сказал Друэ. — А вот река Чикаго, — добавил он, указывая на мутную реку, где, упираясь носами в усаженные черными столбиками гранитные берега, теснились трехмачтовые гиганты, пришельцы из далеких вод.

Свист вырывающегося пара, стук, лязг — и река осталась позади.

— Чикаго становится великим городом, — продолжал Друэ, — удивительным городом! Вы найдете там много такого, на что стоит посмотреть.

Керри почти не слушала его. Ее вдруг охватил невольный страх при мысли, что она совсем одна, вдали от родного дома, и ее несет в огромное море жизни и дерзаний. Она почувствовала, что ей не хватает воздуха, — сильное сердцебиение вызвало легкую тошноту. Она прикрыла глаза и стала убеждать себя, что все это пустяки, что Колумбия-сити не так уж далеко от Чикаго.

— Чикаго! Чикаго! — прокричал проводник, шумно открывая дверь.

Поезд врезался в густую сеть рельсов; грохот и гул наполнили воздух. Керри схватила в одну руку свой жалкий чемоданчик, а в другой крепко зажала кошелек.

Друэ тоже встал. Привычным движением ног расправив брюки, он взял свой чистенький желтый чемодан.

— Вероятно, ваши родные встретят вас? — спросил он. — Разрешите мне донести ваш чемодан.

— О нет, не надо! — быстро ответила Керри. — Пожалуйста, не надо! И прошу вас, не стойте рядом, когда подойдет моя сестра.

— Хорошо, — нисколько не обижаясь, отозвался он. — Но на всякий случай я буду поблизости, и если вашей сестры на вокзале не окажется, я вас доставлю к ней.

— Вы очень добры, — поблагодарила его Керри, чувствуя, как в столь непривычной для нее обстановке ценно подобное внимание.

— Чикаго! — снова протяжно прокричал проводник.

Медленно продвигаясь вперед, поезд вошел под огромный сумрачный свод вокзала, где только что начали зажигаться огни. Все пассажиры были уже на ногах и толпились у выхода.

— Ну вот мы и приехали, — сказал Друэ, направляясь к двери. — До свиданья, до понедельника.

— До свиданья, — ответила Керри и пожала его протянутую руку.

— Помните, я не выпущу вас из виду, пока вы не найдете сестру!

Она улыбнулась, глядя ему в глаза.

Пассажиры один за другим стали покидать вагон. Друэ сделал вид, будто не обращает на Керри внимания. На перроне какая-то невзрачная женщина с изможденным лицом узнала Керри и поспешила к ней навстречу.

— А, здравствуй, Керри! — сказала она и небрежно обняла сестру. Керри почувствовала, как мгновенно исчезла атмосфера ласкового внимания. Среди суматохи, шума и новизны она ощутила холодное прикосновение действительности. Какой уж там мир яркого света и веселья! Какой уж там вихрь развлечений и удовольствий! На лице сестры была написана вся история ее тяжелой жизни, полной забот и труда.

— Ну как поживают все наши? — спросила она. — Как отец, как мама?

Керри отвечала на вопросы, но глаза ее были устремлены вдаль. В конце перрона, у прохода, который вел в зал ожидания и на улицу, стоял Друэ. Он тоже оглянулся. Убедившись, что она видит его и что она находится под охраной сестры, он слегка улыбнулся ей и двинулся дальше. Одна только Керри заметила это. И тут при виде его удаляющейся фигуры ее охватило такое чувство, словно она чего-то лишилась. Когда же он совсем скрылся из виду, она поняла, что ей недостает его. Она чувствовала себя куда более одинокой в обществе сестры, — теперь она одна, совсем одна среди бурного, равнодушного моря.

Глава II

ЧЕМ ГРОЗИТ НИЩЕТА. ГРАНИТ И ДЕНЬГИ

Квартирка Минни была расположена в третьем этаже дома на Ван-Бьюрен-стрит, где ютятся семь рабочих и конторских служащих, людей, прибывших и продолжавших прибывать в Чикаго с тем потоком, который ежегодно увеличивал население города на пятьдесят тысяч человек. Две комнаты выходили окнами на улицу, где по вечерам ярко горели витрины гастрономических магазинов и на тротуаре играли дети. Девушке было внове и понравилось треньканье звонков конки, то приближавшееся, то замиравшее вдали. Когда Минни привела сестру в отведенную ей комнатку, Керри подошла к окну и стала смотреть на освещенную улицу, дивясь звукам, движению и рокоту необъятного города, простиравшегося на многие мили во всех направлениях.

Дома, после первых же приветствий, миссис Гансон дала Керри нянчить ребенка, а сама принялась готовить ужин. Мистер Гансон, задав Керри несколько вопросов, углубился в чтение вечерней газеты. Это был молчаливый человек, швед по отцу, родившийся в Америке; сейчас он работал на бойне уборщиком вагонов-ледников. К приезду свояченицы он отнесся равнодушно. Внешность девушки не произвела на него особого впечатления. Его интересовало лишь одно — найдет ли Керри работу в Чикаго.

— Город велик, — заметил он. — Через несколько дней ты где-нибудь пристроишься. Рано или поздно все пристраиваются.

Еще до ее приезда в семье Гансонов молчливо подразумевалось, что Керри поступит на работу и будет платить за свое содержание. Гансон был по натуре человеком высокопорядочным и бережливым; уже несколько месяцев подряд он выплачивал взносы за два участка земли, купленные далеко, в западной части города. Он мечтал когда-нибудь построить на этой земле дом.

Пока шли приготовления к ужину, Керри успела осмотреть квартиру сестры. Девушка не лишена была наблюдательности и вдобавок обладала ценным даром, присущим каждой женщине, — интуицией.

Она угадывала, что здесь живут скудной, однообразной жизнью. Стены были оклеены безвкусными обоями. Полы устланы дешевыми дорожками, а в гостиной лежал тонкий лоскутный коврик. И сразу бросалось в глаза, что мебель грубая, кое-как сколоченная, купленная, очевидно, в рассрочку.

С ребенком на руках Керри прошла на кухню к Минни и посидела там, пока он не разревелся. Тогда она встала и, что-то напевая, принялась ходить с ним по комнате. Наконец Гансон, которому ее пение мешало читать, пришел и взял у нее малютку. В этом сказалась хорошая черта его характера: он был терпелив. К тому же сразу видно было, что обожает свое чадо.

— Ну, ну! — говорил он, шагая с ребенком по комнате. — Полно, тише! — И в его произношении ясно слышался шведский акцент.

— Ты, наверное, захочешь прежде всего посмотреть город, — сказала во время ужина Минни. — Вот мы в воскресенье поедem и покажем тебе Линкольн-парк.

Керри заметила, что Гансон ничего на это не ответил. Его мысли, по-видимому, были заняты чем-то другим.

— Я завтра же пойду искать работу, — сказала Керри. — Где находится торговая часть города?

Минни принялась было растолковывать, как туда попасть, но муж решил объяснения взять на себя.

— Вот, — начал он, указывая рукой, — видите, там восток...

И Гансон произнес речь на тему о расположении Чикаго — такую пространную, какой, наверно, еще ни разу в жизни не произносил.

— Мой совет — побывать на больших фабриках, что на Франклин-стрит и по ту сторону реки, — сказал он в заключение. — Там много девушек работает. И домой добираться легко. Это неподалеку.

Керри кивнула в знак согласия и стала расспрашивать сестру о районе, где они живут. Минни отвечала вполголоса, сообщая то немного, что знала сама. Гансон все еще возился с ребенком, потом вдруг встал и передал его жене.

— Мне завтра рано вставать, я пойду лягу, — сказал он и скрылся в маленькой темной спальне, по другую сторону коридора.

— Он работает далеко, на бойне, и ему приходится вставать в половине шестого, — пояснила Минни.

— Когда же ты встаешь, чтобы успеть приготовить завтрак? — спросила Керри.

— Примерно без двадцати пять.

Домашнюю работу они закончили вместе. Керри вымыла посуду, а Минни тем временем раздела и уложила ребенка. Во всем, что она ни делала, чувствовалась привычная сноровка, и Керри подумала, что вот так сестра трудится с утра до вечера каждый день.

Керри начала понимать, что ей придется отказаться от всякого общения с Друэ. О том, чтобы он приходил сюда, не могло быть и речи. По поведению Гансона, по покорному виду Минни и вообще по атмосфере в квартире сестры она чувствовала, что все, выходящее за рамки монотонной жизни труженика, встретит решительный отпор. Если Гансон каждый вечер сидит с газетой в гостиной и ложится спать в девять часов, а Минни чуть позднее, то что же остается делать ей?

Разумеется, сперва нужно найти работу, чтобы самой содержать себя, а потом уже думать о знакомствах. Безобидный флирт с Друэ казался ей теперь чем-то из ряда вон выходящим.

«Нет, он не может придти сюда», — мысленно решила Керри.

Она попросила у сестры бумаги и чернил (и то и другое оказалось в столовой на камине) и, когда та ушла к себе спать, достала визитную карточку Друэ с его адресом и написала:

«Я не могу принять Вас здесь. Подождите, пока я снова не дам о себе знать. У моей сестры слишком уж крохотная квартирка».

Керри задумалась, что бы еще приписать. Ей хотелось как-нибудь упомянуть об их совместном пребывании в поезде, но застенчивость удерживала ее. Она ограничилась лишь неловкой благодарностью Друэ за внимание, а потом снова стала ломать голову над тем, как же ей подписаться. Наконец она решила закончить письмо обычным «с почтением», но в последний миг передумала и заменила на «искренне преданная Вам».

Керри запечатала конверт, написала адрес, прошла в комнатку, где в нише стояла ее кровать, и, придвинув маленькую качалку к открытому окну, присела, в немом восторге вглядываясь в вечерние улицы. Наконец, устав от дум, вялая и сонная, она разделась, аккуратно сложила одежду и легла в постель.

Когда Керри утром проснулась, было уже восемь часов и Гансон давно ушел на работу. Сестра сидела в столовой, которая служила

и гостинной, и шила. Керри оделась, сама приготовила себе завтрак, потом посоветовалась с Минни, куда идти искать работу. Как сильно изменилась Минни с тех пор, как Керри видела ее в последний раз! Теперь это была худая, хотя и крепкая женщина двадцати семи лет. Ее представления о жизни всецело отражали взгляды мужа, а ее косные понятия о развлечениях и о долге свидетельствовали о кругозоре еще более узком, чем в юности.

Минни пригласила к себе сестру вовсе не потому, что тосковала по ней, — просто та была недовольна своей жизнью у родителей, а здесь она, наверное, сумеет найти работу и сможет платить ей за комнату и стол. Минни, пожалуй, была и рада видеть Керри, но относительно работы полностью придерживалась взглядов мужа. Всякая работа хороша, если за нее будут платить, — для начала хотя бы пять долларов в неделю. Фабрика — вот удел, самой судьбою предназначенный для начинающей. Она найдет работу в одной из огромных чикагских мастерских и будет довольствоваться этим, пока... пока что-нибудь не произойдет. Что именно может произойти, этого, конечно, ни одна из них не знала. Они не рассчитывали на повышение. Они не связывали каких-либо надежд с мыслью о браке. Просто жизнь будет идти своим чередом — не ясно, впрочем, как именно, — пока поворот к лучшему не вознаградит Керри за то, что она приехала трудиться в этом городе.

Вот при каких благоприятствующих обстоятельствах Керри вышла в это утро на поиски работы.

Прежде чем последовать за нею, давайте ознакомимся с той обстановкой, в которой будет протекать в дальнейшем ее жизнь.

В 1889 году Чикаго отличался всеми особенностями быстро растущего города, в котором отважные паломники, в том числе и молодые девушки, вполне могли рассчитывать на удачу. Он завоевал громкую славу своими многочисленными и неуклонно развивающимися коммерческими предприятиями, открывавшими перед людьми широкие возможности. Он стал магнитом, притягивавшим к себе со всех концов страны и тех, кто был полон надежд, и тех, кто успел потерять их; тех, кому еще предстояло сделать карьеру, и тех, кто уже потерпел крушение где-нибудь в другом месте.

Это был большой город с населением свыше полумиллиона, но его честолюбия, дерзновения и кипучей деятельности хватило бы на столицу с миллионом жителей. Уже теперь его улицы и дома были разбросаны на площади в семьдесят пять квадратных миль. Его население было занято не столько давно известными отраслями производства, сколько деятельностью, подготовлявшей приток новых людских масс. Повсюду раздавался стук молотков на лесах возводимых зданий. То и дело возникали огромные новые заводы. Мощ-

ные железнодорожные концерны, давно уже предугадавшие большую будущность города, захватили обширные участки земли для организации в нем транспорта и погрузочных станций. Трамвайные линии уходили далеко в открытую прерию — это было сделано в расчете на быстрый рост предместий. Городское самоуправление вымостило камнем многие мили дорог и проложило канализационные трубы в таких местах, где пока что стоял всего один какой-нибудь дом — форпост будущих людных кварталов.

Нередко можно было видеть открытые дождям и бурям пустыри, которые, однако, всю ночь освещались длинными мигающими рядами газовых фонарей, которые раскачивались на ветру. Узкие деревянные мостки тянулись, минуя здесь дом, там лавку, и кончались далеко в открытом поле.

Центр города был районом огромного скопления торговых контор и фабрик. Сюда обычно и направлялся прежде всего неопытный искатель заработка. Особенностью тогдашнего Чикаго (своей особенностью далеко не всем большим городам) было то, что все сколько-нибудь заметные фирмы занимали отдельные здания. Обилие свободной земли вполне позволяло это, и потому большинство оптовых фирм, чьи конторы, доступные взорам улицы, помещались в первом этаже, выглядели весьма внушительно. Огромные зеркальные окна, ставшие сейчас обычным явлением, тогда только входили в моду и придавали конторам, расположенным в нижних этажах, изысканный и богатый вид. Прохожий мог видеть за этими окнами ряды перегородок из полированного дерева и матового стекла, множество служащих, углубленных в свою работу, и степенных дельцов в «шикарных» костюмах и белоснежных рубашках, расхаживающих по залам или же сидящих группами. Ярко начищенные бронзовые или никелированные дощечки у подъездов, отделанных квадратными глыбами тесаного камня, сжато и понятно возвещали название предприятия и характер его деятельности. Шагающим по центру города казалось, что они находятся в столице, — такой внушительный у него был вид, рассчитанный на то, чтобы ошеломить простого смертного, вселить в него благоговейный страх и показать всю ширину и глубину пропасти, лежащей между бедностью и преуспеванием.

В этот солидный торговый район и отправилась робкая Керри. Она шла по Ван-Бьюрен-стрит в восточном направлении, проходя кварталы, которые с каждым шагом теряли в своем величии, постепенно сменяясь бесконечными рядами амбаров и угольных складов, обрывававшихся у реки.

Керри храбро шла вперед, подгоняемая искренним желанием поскорее найти работу, но почти на каждом шагу задерживалась, любясь развешивавшейся перед ней панорамой и чувствуя свою бес-

помощность среди столь явных признаков загадочного для нее могущества и силы. Что это за огромные здания? Эти диковинные предприятия — чем там занимаются, что на них производят? Она могла понять, для чего существует маленькая мастерская каменотеса в Колумбия-сити, обрабатывающего небольшие куски мрамора по заказу своих клиентов, но необозримые дворы крупной фирмы по поставке декоративного строительного камня, со множеством рельсов, по которым катились грузовые платформы, с доками со стороны реки и высокими громыхающими кранами над головой, — все это показалось ей непостижимым, ибо не вмещалось в ее узком мире. С тем же чувством она смотрела и на бесконечные железнодорожные депо, и сгрудившиеся на реке суда, и огромные фабрики, раскинувшиеся на другом берегу. Через открытые окна она могла разглядеть деловито снующие фигуры мужчин и женщин в фартуках. Длинные улицы были для нее двумя рядами тайн, отгороженных стенами, а обширные конторы — загадочными лабиринтами, где сидят недоступно важные господа. Ей казалось, что люди, имеющие отношение к этим конторам, только и делают, что считают деньги, прекрасно одеваются и разъезжают в экипажах. Чем они торгуют, над чем трудятся, ради какой цели — об этом она имела самое смутное представление. Все было для нее так диковинно, необъятно, недоступно! Керри пала духом, и сердце ее сжалось при мысли, что ей придется войти в одно из этих великолепных зданий и попросить какой-нибудь работы, что-нибудь такое, что она сумела бы сделать, — все равно что.

Глава III

МЫ ИСПЫТЫВАЕМ СУДЬБУ. ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ ДОЛЛАРА В НЕДЕЛЮ

За рекой, попав в район оптовых фирм, Керри стала осматриваться, решая, в какую бы дверь войти. Разглядывая большие окна и внушительные вывески, она заметила, что на нее обращают внимание, и поняла почему: все догадывались, что она ищет работу! Никогда еще ей не случалось заниматься этим, и мужество покинуло ее окончательно. Чтобы подавить безотчетный стыд от сознания, что все видят, как она бродит в поисках места, Керри зашагала быстрее и постаралась придать своему лицу равнодушное выражение, присущее, как ей казалось, людям, которые спешат по делу. Так она прошла мимо многих фабрик и торговых фирм, не заглянув ни в одну. Наконец, миновав несколько кварталов, она поняла, что таким способом ничего не найдет, и, не замедляя шага, снова стала приглядываться к дверям. Вскоре огромная дверь почему-то привлекла ее вни-

мание. На ней красовалась медная дощечка; видимо, это был вход в громадный шести- или семиэтажный улей. «Возможно, здесь требуются работницы», — подумала Керри. Она перешла улицу и направилась к дверям. Приближаясь к желанной цели, она увидела в окне молодого человека в сером клетчатом костюме. Разумеется, она не знала, имеет ли этот человек какое-либо отношение к данному предприятию, но так как он случайно бросил взгляд в ее сторону, Керри не выдержала и, застыдившись, поспешно прошла мимо.

На противоположной стороне улицы высилось шестиэтажное здание с вывеской «Сторм и Кинг». При виде его у Керри зародилась надежда. Это была фирма оптовой продажи мануфактуры, где работали также и женщины. Их фигуры мелькали в окнах верхних этажей. Керри решила во что бы то ни стало войти. Она пересекла улицу и направилась прямо к подъезду. Но как раз в эту минуту оттуда вышли двое мужчин и остановились в дверях. Рассыльный телеграфной конторы в синей форме проскользнул мимо Керри, взбежал по ступенькам и скрылся внутри. Несколько человек из наводнявшей тротуары суетливой толпы обошли девушку. Она стояла, беспомощно оглядываясь, потом вдруг заметила, что за ней наблюдают, и постыдно отступила. Задача оказалась слишком трудной. Она не сумела пересилить себя и пройти мимо стоявших у подъезда людей.

Это тяжелое поражение расстроило Керри. Ноги машинально несли ее вперед, и каждый шаг был частью отступления, на которое она решилась почти с радостью. Квартал за кварталом оставался позади. На фонарях у перекрестков она читала названия улиц: Медисон, Монро, Ла-Саль, Кларк, Дирборн, Стэйт, и все шла вперед, и ноги ее уже начали уставать от ходьбы по крупным каменным плитам тротуара. Все же ей было приятно, что город такой яркий и чистый. Утреннее солнце с каждым часом припекало все жарче, но теневая сторона улиц дышала приятной прохладой. Девушка посмотрела на голубое небо над головой и как-то особенно глубоко осознала его прелесть.

Керри начала приходить в отчаяние от своей трусости. Повернув назад, она решила снова разыскать фирму «Сторм и Кинг» и зайти туда. На пути ей попала большая фирма оптовой продажи обуви, и через широкие зеркальные окна Керри увидела кабинет управляющего, скрытый от взоров остальных служащих матовым стеклом; перед этой перегородкой, у самого входа с улицы, сидел за столиком седовласый джентльмен, а перед ним лежала толстая раскрытая книга. Керри в нерешительности прошла несколько раз мимо подъезда и, наконец убедившись в том, что никто не обращает на нее внимания, шмыгнула в дверь и робко остановилась у столика.

— Что скажете, барышня? — спросил старый джентльмен и довольно приветливо посмотрел на нее.

— Я... то есть вы... я хочу сказать, нет ли у вас работы? — запинаясь, произнесла она.

— Сейчас — нет, — с улыбкой ответил тот. — Сейчас — нет. Заходите на будущей неделе. Иногда нам бывают нужны люди.

Керри молча выслушала ответ и, неуклюже пятясь, вышла. Ласковый прием несколько удивил ее. Она рассчитывала, что будет гораздо хуже, что она услышит что-нибудь грубое, холодное — мало ли что могло быть! Уже одно то, что ее не оскорбили, что ей не дали почувствовать унижительность ее положения, казалось удивительным.

Несколько воспрянув духом, Керри осмелилась войти в другое огромное здание. Здесь помещалась фирма готового платья. Тут было, по-видимому, еще больше народу; хорошо одетые мужчины лет сорока и старше беседовали о чем-то за медным барьером.

К ней тотчас подошел мальчик-рассыльный.

— Кого вам угодно? — спросил он.

— Я хотела бы видеть управляющего, — сказала она.

Мальчик побежал и передал ее просьбу одному из трех джентльменов, беседовавших неподалеку от нее. Тот направился к девушке.

— Да? — холодно произнес он.

Его тон сразу убил в Керри всю решимость.

— Не нужна ли вам работница? — пробормотала она.

— Нет! — отрезал он и резко отвернулся.

Керри, совершенно растерянная, направилась к выходу, мальчик вежливо распахнул перед нею двери, а она стремилась поскорее слиться с толпой на улице. Ее еще недавно бодрому настроению был нанесен тяжелый удар.

Некоторое время она бродила без всякой цели, сворачивая то в одну улицу, то в другую, проходя мимо многих роскошных торговых контор, но не находя в себе мужества повторить свое предложение.

Настал полдень, а с ним пришел и голод. Выбрав скромный ресторан, Керри вошла, но с испугом убедилась, что цены ей не по карману. Она могла позволить себе лишь тарелку супа. Быстро справившись с ним, она снова вышла на улицу. Все же это несколько подкрепило ее и придало ей смелости продолжать поиски.

Пройдя несколько кварталов и не зная, на чем остановить свой выбор, Керри вновь набрела на фирму «Стром и Кинг» и на этот раз заставила себя войти. Несколько джентльменов о чем-то совещались в двух-трех шагах от нее, но никто из них не обратил внимания на Керри. Она остановилась, нервничая и глядя в пол. Когда она уже совсем было отчаялась, ее окликнул служащий, сидевший у одного из многочисленных столов за барьером.

— Кого вам угодно? — спросил он.

— Мне все равно кого, — ответила Керри. — Кого-нибудь. Я ищу работу.

— Стало быть, вам нужно мистера Мак-Мануса, — ответил служащий. — Присядьте! — добавил он, указывая на стул у стены, и снова принялся неторопливо писать. Наконец с улицы вошел коротенький толстый человечек.

— Мистер Мак-Манус! — окликнул его писавший. — Эта молодая особа хочет вас видеть.

Низенький джентльмен повернулся в сторону Керри. Она встала и подошла к нему.

— Чем могу быть вам полезен, мисс? — спросил он, разглядывая ее с нескрываемым любопытством.

— Не найдется ли у вас какой-нибудь работы?

— Какой именно?

— О, какой угодно! — пролепетала она.

— У вас есть какой-нибудь опыт в оптовой торговле мануфактурой?

— Нет, сэр.

— Но вы, может быть, стенографистка или переписчица?

— Нет, сэр.

— В таком случае у нас ничего для вас нет, — сказал он. — Мы нанимаем только квалифицированных служащих.

Керри начала отступать к двери, но жалобное выражение ее лица подействовало на мистера Мак-Мануса.

— Вы вообще когда-нибудь служили? — спросил он.

— Нет, сэр.

— Тогда вы едва ли найдете место в таких оптовых фирмах, как наша. Вы не пробовали обратиться в универсальный магазин?

Керри призналась, что не пробовала.

— На вашем месте я раньше всего попытал бы счастья в универсальных магазинах. Там часто требуются такие барышни, как вы, — добавил он, дружелюбно глядя на нее.

— Благодарю вас! — ответила Керри, сразу ожившая от проблеска дружеского участия.

— Да, вы непременно попытайте счастья в универсальных магазинах, — повторил он, когда Керри уже направлялась к выходу, и пошел дальше.

В то время универсальные магазины только недавно стали пользоваться успехом, и было их еще немного. Первые три в Соединенных Штатах открылись в Чикаго приблизительно в 1884 году. Из объявлений в газете «Дейли ньюс» Керри запомнила названия нескольких магазинов и теперь пустилась их разыскивать. Слова мис-

тера Мак-Мануса вновь придали ей бодрости, которая совсем было исчезла: девушка прониклась надеждой, что в этом новом деле найдется кое-что и для нее.

Довольно долго она бродила наугад, надеясь случайно очутиться у одного из таких зданий. Как легко удовлетворяется человек, идущий по трудному, но необходимому делу, одной видимостью поисков! Наконец она решила обратиться к полисмену, и тот сказал ей, что надо пройти еще два квартала, там и будет «Базар».

Описание этих громадных комбинатов розничной торговли, если они когда-нибудь сойдут со сцены, составит интересную главу в истории экономического развития нашей страны. До сих пор никогда и нигде в мире не наблюдалось такого расцвета этого скромного вида торговли. Подобные комбинаты были созданы с расчетом наиболее эффективно использовать розничную продажу; каждый из них состоял из сотен магазинов, объединенных в одно целое, исходя из самых существенных соображений экономии. И они процветали, эти красивые, шумные магазины, с целой армией продавцов, которыми правил сонм начальников.

Керри медленно шла по заполненным покупателями проходам, пораженная необыкновенной выставкой безделушек, драгоценностей, одежды, письменных принадлежностей. Каждый новый прилавок открывал перед нею ослепительное и заманчивое зрелище. Как ни трудно ей было устоять против манящей силы каждой безделушки и каждой драгоценности, все же она не позволила себе задержаться нигде. Все здесь было нужно ей, все ей хотелось иметь. Очаровательные туфельки, чулки, изящные плиссированные юбки, кружева, ленты, гребенки, кошелечки — каждый предмет внушал желание обладать им, и Керри с особой остротой сознавала, что ни один из них ей не по средствам. Она ищет кусок хлеба, она отверженная, без работы, и каждый продавец с первого взгляда может угадать в ней нищету, нуждающуюся в зарботке.

Впрочем, не стоит считать Керри нервной, чересчур впечатлительной девушкой, неожиданно выброшенной в холодный, расчетливый, лишенный поэзии мир. Нет, она, безусловно, не была такой. Но женщины всегда особо чувствительны к вещам, которые могут их украсить.

Керри испытывала неодолимое влечение ко всем новым и красивым предметам дамского туалета и со щемящим сердцем наблюдала за нарядно одетыми дамами, которые задевали ее, протискиваясь вперед, и, не обращая на нее ни малейшего внимания, пожирали глазами все, что видели на прилавках.

Керри была еще незнакома с внешним обликом своих более счастливых сестер — обитательниц большого города. Не имела она до сих

пор представления и о продавщицах большого магазина, по сравнению с которыми она показала себе очень жалкой. По большей части это были хорошенькие, даже красивые девушки, вид у всех был независимый и равнодушный, что придавало наиболее интересным из них особую пикантность. Одеты они были мило, даже нарядно, и, встречаясь с ними взглядом, Керри тотчас же убеждалась, что они сурово осуждают ее за недостатки туалета и тот особый отпечаток, который, по ощущению Керри, явно доказывал, что она собою ничего не представляет. Пламя зависти вспыхнуло в душе Керри. Она начала смутно понимать, как много заманчивого таит в себе большой город: богатство, изящество, комфорт — все, что может украсить женщину. И ее мучительно потянуло к нарядным платьям и красивым вещам.

Контора универсального магазина находилась во втором этаже. Керри порасспросила, где это, и ей показали, как туда пройти. Там уже ждали несколько девушек, которые, как и она, искали работу. Но, как истые жительницы большого города, они держались более независимо и самоуверенно. Девушки не замедлили подвергнуть Керри мучительному осмотру с ног до головы. Примерно минут через сорок пять она дождалась своей очереди.

— Ну, — сказал подвижный молодой еврей с резкими манерами, сидевший у окна за шведским письменным столом. — Вы уже служили в магазинах?

— Нет, сэр, — призналась Керри.

— Значит, не служили! — вслух отметил он, окидывая ее проницательным взглядом.

— Нет, сэр, — повторила Керри.

— Гм! Видите ли, мы предпочитаем продавщиц с некоторым опытом. Думаю, что вы нам не подойдете.

Керри еще постояла с минуту, не зная, считать ли разговор оконченным.

— Вы напрасно ждете! — услышала она. — Не забывайте, мы здесь очень заняты.

Керри быстро направилась к двери.

— Стойте-ка! — окликнул ее молодой человек. — Оставьте нам ваше имя и адрес. Иногда нам бывают нужны девушки.

Когда Керри выбралась наконец на улицу, к глазам ее подступили слезы — не столько из-за этого холодного приема, сколько из-за всех удручающих впечатлений дня. Она очень устала и переволновалась. Отказавшись от мысли обратиться в другие магазины, она пошла бродить по улицам, чувствуя себя как-то спокойнее и безопаснее среди толпы.

Бесцельно скитаясь по городу, Керри свернула на Джексон-стрит, неподалеку от реки, и медленно пошла по южной стороне этой ожив-

ленной улицы. Внезапно в глаза ей бросился клочок оберточной бумаги, приколотый к двери, с надписью, сделанной чернилами: «Требуется упаковщицы и строчильщицы».

Керри постояла в нерешительности и вошла.

Фирма «Шпайгельхайм и К°», фабрика детских шляп, занимала один этаж в доме. Помещение, шириною пятьдесят футов и длиною около восьмидесяти, было мрачное, загроможденное машинами и рабочими столами; лишь в самых темных углах горели электрические лампочки. Тут работало много женщин и несколько мужчин. Девушки, все в пыли, с масляными пятнами на лице, были в тонких бесформенных платьях, большинство — в стоптанных ботинках. Многие засучили рукава, обнажив худые руки, другие из-за духоты растегнули верхние пуговицы платья. Это были типичные работницы из низкооплачиваемых слоев — неряшливые, сутулые, почти все бледные от пребывания в спертom воздухе. Однако застенчивостью они вовсе не отличались — они были неудержимо любопытны, дерзки на язык и сыпали жаргонными словечками.

Керри осматривалась в полном смятении, твердо зная одно: здесь она работать не хочет. Если не считать смущавших ее косых взглядов, никто не обращал на девушку ни малейшего внимания. Керри стояла, пока наконец ее присутствие не было замечено всеми, кто находился в мастерской. Лишь тогда кто-то дал знать мастеру, и тот появился в фартуке, без пиджака, в рубашке с засученными до самых плеч рукавами.

— Вы хотели меня видеть? — спросил он.

— Не нужна ли вам работница? — Керри уже успела понять, что лучше всего действовать напрямик.

— Вы умеете прострачивать детские шапочки?

— Нет, сэр!

— А вообще вам знакома такая работа?

Керри ответила, что незнакома.

— Гм! — произнес мастер и задумчиво почесал за ухом. — Нам, видите ли, нужна работница. Но мы предпочитаем опытных. У нас нет времени обучать новичков.

Он умолк и отвернулся к окну.

— Впрочем, — добавил он, подумав, — мы можем поставить вас на отделку.

— Сколько вы платите в неделю? — осмелилась спросить Керри; мягкость этого человека и простота общения придали ей немного бодрости.

— Три с половиной, — ответил он.

«Ох!» — чуть было не вырвалось у Керри, но она вовремя сдержалась, и то, что она подумала, осталось невысказанным.

— Мы не особенно нуждаемся сейчас в людях, — небрежным тоном продолжал мастер, глядя на Керри, как на тюк с тряпьем. — Впрочем, можете прийти в понедельник утром, и я вас поставлю на работу, — добавил он.

— Благодарю вас, — чуть слышно произнесла Керри.

— Если придете, захватите с собой передник, — сказал мастер.

И он ушел, оставив Керри возле лифта и не поинтересовавшись даже, как ее зовут.

Хотя внешний вид мастерской и нищенская недельная оплата и нанесли удар светлым надеждам Керри, все же ее приободрило сознание, что после многих неудач ей наконец предложили работу. Как ни скромны были притязания девушки, она не могла себе представить, что возьмется за эту работу. Она привыкла все же к лучшему. Привычка к вольному деревенскому воздуху вызывала в ней внутренний протест против этой тесноты и духоты. Она не знала, что такое жить в грязи. Сестра содержала свою квартиру опрятно. Здесь же все засалено, потолки низкие, а девушки сплошь неряхи и, видимо, ожесточены. Они, наверно, испорченные и злые, решила она. А все-таки ей предлагают работу! Право, Чикаго не так уж неприступен, если в первый же день здесь можно найти место. Впоследствии она подыщет себе что-нибудь другое, получше.

Однако дальнейшие поиски не дали ничего утешительного. В местах более приятных и солидных ей отказывали категорически и самым ледяным тоном. В других конторах требовались только опытные работницы. Не раз девушка наталкивалась на крайне грубый прием, и особенно обидный ответ она выслушала на одной фабрике готового платья, когда, взобравшись на четвертый этаж, решила справиться, нет ли у них работы.

— Нет, нет! — крикнул ей мастер, дюжий, коренастый мужчина, хозяйничавший в скудно освещенной мастерской. — Нам никого не нужно. И нечего сюда таскаться!

День угасал, а с ним постепенно угасали и надежды Керри, ее решимость и энергия. Девушка проявила изумительную настойчивость. Такие ревностные усилия заслуживали лучшей награды. Огромный торговый район города показался ей, утомленной, таким необъятным, таким черствым, таким застывшим в своем равнодушии к людям. Казалось, для нее закрыты все двери, борьба предстоит слишком жестокая и нет никакой надежды, что она добьется здесь чего-нибудь. Мимо бесконечной вереницей спешили мужчины и женщины. Керри чувствовала вокруг себя могучий пульс жизни с ее многообразными интересами и чувствовала свою беспомощность, почти не сознавая, что в этом потоке она была лишь ничтожною соломинкой. Тщетно осматривалась она, ища, куда бы обратиться, но не на-

СОДЕРЖАНИЕ

СЕСТРА КЕРРИ. Роман. <i>Перевод М. Волосова</i>	5
ДЖЕННИ ГЕРХАРДТ. Роман. <i>Перевод Н. Галь и М. Лорие</i>	413
РАССКАЗЫ	
Освобождение. <i>Перевод Р. Облонской</i>	699
Западня. <i>Перевод М. Урнова</i>	726
Прибежище. <i>Перевод Е. Турковой</i>	771

Драйзер Т.

Д 72 Малое собрание сочинений / Теодор Драйзер ; пер. с англ. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 800 с.

ISBN 978-5-389-06165-1

«„Сестра Керри“ — замечательный первый роман Драйзера, который... ворвался в затхлую атмосферу мешанской Америки как вольный западный ветер и впервые со времен Марка Твена и Уитмена внес струю свежего воздуха в наш удушливый домашний мирок». Так в 1930 году в своей нобелевской речи отозвался о романе американский писатель Синклер Льюис, подчеркнув, что премия по праву должна была достаться Теодору Драйзеру, ведь именно он «освободил американскую литературу от викторианской робости и направил ее по пути смелого, честного и страстного изображения жизни». Опубликованный в 1900 году дебютный роман Драйзера вызвал грандиозный скандал — его называли безнравственным, безбожным, циничным и порочащим американскую мечту. Известный критик писал, что «хвалить этот роман едва ли не так же опасно, как стрелять в президента». Следующий роман — «Дженни Герхардт» — Драйзер начал писать сразу вслед за первым, но прошло десять лет, прежде чем книга вышла в свет. В творчестве великого американского реалиста и знатока человеческой природы эти два романа выделяются как самые эмоциональные и поэтичные. Дополняют настоящий том избранных сочинений несколько рассказов, изданных в 1918–1919 годах. Они позволят полнее оценить масштабный талант писателя, о котором уже упомянутый критик сказал: «Американская литература до и после Драйзера отличается почти так же, как биология до и после Дарвина».

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР
МАЛОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Орлова, Валерий Камендо,
Валентина Гончар, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 16.10.2017.
Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 50.
Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

V-AMS-14138-03-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/